

УДК 070:654.197

МЕДИАТИЗАЦИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ БЕЛАРУСИ И КИТАЯ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

ЧЖАО ЛЯН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются процессы конвергенции и медиатизации в системах средств массовой информации и коммуникации Беларуси и Китая. Анализируется влияние этих процессов на модернизацию творческой деятельности в журналистике обеих стран. Характеризуются исторические особенности возникновения и становления китайской и белорусской журналистики, обусловленной тесной взаимосвязью с вербальными видами отражения мысли в научной, публицистической, философской, художественной литературе.

Ключевые слова: конвергенция; медиатизация; медиаиндустрия; средства массовой информации и коммуникации; медиаторство.

MEDIATIZATION OF JOURNALISM OF BELARUS AND CHINA: COMPARATIVE ANALYSIS

CHZAO LIANG^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The processes of convergence and mediatization in systems of mass media and communication of Belarus and China are considered. The influence of these processes on the modernization of creative activity in the journalism of both countries is analyzed. The article characterizes the historical features of the emergence and formation of Chinese and Belarusian journalism, due to the close relationship with verbal types of reflection of thought in scientific, journalistic, philosophical literature, fiction.

Keywords: convergence; mediatization; media industry; mass media and communications; media creativity.

На рубеже XX–XXI вв. тотальная электронизация, компьютеризация и цифровизация всех средств социальной связи ускорила конвергенцию – технологическое слияние средств массовой информации и коммуникации (далее – СМИК), создав новую ситуацию функционирования печатной прессы, радио, телевидения, кино. Одним из существенных результатов конвергенции стал перенос производства и распространения любого контента в принципиально новую виртуально-техногенную медиасреду – интернет.

Медиатизация СМИК отражает перемены, которые происходят в социальной системе – от темпов освоения обществом инновационных электронно-цифровых технологий до создания условий для развития интеллектуально-креативных способностей социального индивида, раскрытия потенциальных возможностей его самореализации и личностного роста [1, с. 7–10].

Социально-гуманистическая направленность происходящих изменений актуализирует неординарные проблемы. Исследователи ставят цели выявить

Образец цитирования:

Чжао Лян. Медиатизация журналистики Беларуси и Китая: компаративный анализ. *Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика.* 2021;1:48–53.

For citation:

Chzao Liang. Mediatization of journalism of Belarus and China: comparative analysis. *Journal of the Belarusian State University. Journalism and Pedagogics.* 2021;1:48–53. Russian.

Автор:

Чжао Лян – аспирантка кафедры медиалогии факультета журналистики. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Н. Т. Фрольцова.

Author:

Zhao Liang, postgraduate student at the department of mediology, faculty of journalism.
zhaoliangabcd@gmail.com

воздействие информационно-медийных технологий на сенсорно-психические и познавательные механизмы человека, установить, как они влияют на его язык, мышление и поведение в реальной и виртуальной среде.

Особый интерес на этом фоне представляет журналистика. В силу своей социально-массовой природы она в настоящее время глубоко инкорпорирована в медиаиндустрию. Опираясь на общий принцип творчества как деятельности, направленной на создание нового, журналистика тем не менее не остается вне норм и правил, предъявляемых индустрией (от лат. *industria* – усердие, деятельность) к «производству чувств, образов и смыслов». Иначе говоря, творчество не может существовать без определенных средств – медиа. Наиболее наглядно это проявляется в таких техногенных СМИК, как радио, телевидение, кино [2, с. 16–19]. Сегодня на наших глазах возникает новый конвергентный тип медиатворчества, который развивается в интернет-среде. Неслучайно пока не выработано единого подхода к исследованию этих изменений: наука просто не успевает за потоком непрерывно обновляющихся журналистских практик. Однако большинство специалистов разных стран, в том числе Беларуси и Китая, высоко оценивают перспективы развития медиатворчества для всех его видов в науке, технике, искусстве, культуре и журналистике [3–6].

Вместе с тем существует и такая точка зрения, сторонники которой придерживаются крайне критической позиции относительно, по их словам, панмедиатизации и считают, что в этом ключе отмечаются весьма негативные тенденции: упрощение, или редукция, языковой картины мира, ее облегченная интерпретация, вербальный хаос интернет-среды, который не поддается коррекции и содействует проникновению любого, нередко не верифицированного контента в сознание массовой аудитории. Все это накладывает негативный отпечаток на интеллект и ценностный мир медийного человека как социального индивида с исключительно потребительскими запросами. Но наибольшие опасения высказываются по поводу неизбежного снижения творческого потенциала «бумажной журналистики» при ее перемещении в интернет-среду, и в связи с этим прогнозируются неблагоприятные перспективы для вербальной коммуникации в целом [7].

Характерно, что критическая позиция выстраивается с опорой на основные положения, разработанные в зарубежной неклассической философии в 1920–60-х гг.: на известные концепции заката культуры (Ф. Ницше, О. Шпенглер) под натиском индустриальной цивилизации, вторжения техники в сферу творчества, разрушающей гармонию выражения внутреннего я творца-демиурга в воплощении картины мира (М. Хайдеггер). Также проявляется влияние французской школы структурализма,

постструктурализма и деконструкции 1960–70-х гг., в рамках которой спрогнозирована «смерть автора», «мозаичная реальность» (М. Фуко, Р. Барт, Ж. Деррида) [7, с. 10–18].

Такой выбор в условиях повсеместного распространения интернета, конечно, логичен. Гуманитарное сообщество сегодня снова переживает смену типов цивилизации, как это было в первой половине XX в.: индустриальный тип уступает место постиндустриальному. Хотя, вероятно, именно тогда в прямом смысле и родился медийный человек. Сейчас он повзрослел и, может быть, уже стал пенсионером, поэтому и обострились старые хронические болезни. Но теория панмедиатизации конкретного ответа на данные вопросы не дает.

Более конструктивной позиции в этом плане придерживаются другие исследователи. Так, Ю. А. Артамонова пишет: «Коммуникативная рациональность не является инструментальной, коммуникативность есть интерессубъективная связь, которую устанавливают субъекты, обладающие языковой компетентностью. Требования к коммуникативным высказываниям таковы: понятность выражения, истинность позициональных составных частей, нормативная правильность в перформативном смысле и правдивость говорящего», «текст понимается в таком случае как картина мира, как мировоззрение» [8, с. 251]. Следовательно, под воздействием цифровых технологий существенно расширяется доступ к производству и потреблению социальной информации в целом. «В результате СМИ из средств массовой информации превращаются в средства взаимного информирования тех, кому данное сообщение или периодическое издание, независимо от технического носителя, интересны» [8, с. 262].

Следует подчеркнуть, что в широком историко-диахроническом контексте журналистика органично вошла в систему вербальной творческой деятельности. Через вербальные каналы по вертикали культурные ценности транслируются от поколения к поколению, по горизонтали – от одной культуры к другой. Однако в вертикально-горизонтальных координатах вербальной коммуникации циркулируют тексты как газет и журналов, так и научной, публицистической, философской, художественной литературы. Эта закономерность сохраняется и в интернете, однако здесь она приобретает иную специфику, которая состоит в синхронизации взаимодействия реципиента с текстовыми единицами, хронологически отстающими от возникновения коммуникативной ситуации, а также с моментом создания текста автором и восприятия данного текста реципиентом. Первый вид «отложенной» обратной связи неплохо изучен и практически стал нормой. Например, человек прочитал детектив К. Дойла и так эмоционально увлекся интригой, что считает главного героя произведения – Шерлока Холмса – реальной личностью.

Этот тип обратной связи действует как бренд. Тысячи туристов из разных уголков мира с удовольствием посещают Бейкер-стрит в Лондоне, чтобы посмотреть на дом, где «жил» Шерлок Холмс.

Второй вид «отложенной» обратной связи заявил о себе с развитием сначала техногенного радио, затем – телевидения и значительно усилился в интернете. Наиболее яркий пример активированной синхронности демонстрируют блоги, *Telegram*-каналы, которые содержат адресно направленный контент и открывают возможность прямого общения заинтересованного читателя с автором.

О таком «лингвистическом повороте» журналисты, писатели, поэты, читатели, слушатели и зрители раньше могли только мечтать. Сейчас, когда новая модель вербальной коммуникации вошла в жизнь, перед креативно мотивированными субъектами открывается уникальная возможность использовать объемные массивы оцифрованной информации для приобретения новых знаний, обогащения эрудиции и личностного развития.

Письмо и все известные на сегодня его технологии всегда нуждались в такой модели коммуникации, где посредством чувственно-тактильного восприятия вещественных носителей передавалась бы мыслительная энергия, которая концентрируется в человеке. Появившись в глубочайшей древности, письмо, выраженное знаками простейших образов на стенах пещер, китайских иероглифов на панцирях черепах, буквенного алфавита на минойских папирусах, цифр на пергаменте арабских манускриптов, изначально несло на себе отпечаток энергетических усилий. С этими усилиями преодолевалось сопротивление материала, из которого состоял вещественный носитель. В данном процессе получило отражение не только многотысячелетнее развитие коллективного разума человечества, но и усложнение его интеллекта, навыков и умений в изобретении наиболее совершенных инструментов для осуществления письма. Письмо придавало гибкость абстрактному воображению, повышало уровень технической сообразительности. Материальные носители и инструменты, с помощью которых можно было наносить письменные знаки, – от твердых материалов и резца до изящной китайской кисточки из меха зверька колонка, гусиного пера в Европе и изобретенной в Китае бумаги – в разных уголках мира использовались для того, чтобы мысль не стерлась, не затерялась в веках, стала более понятной. С учетом этого письменная вербальная коммуникация во все времена оценивалась очень высоко и рассматривалась как главный проводник императивного единства образа – слова – логоса – смысла в общественное сознание.

В государствах Ближнего Востока и Азии, в родах-полисах античной Греции и Римской империи овладение техникой письма (от греч. *technē* –

искусство, мастерство; лат. *ars* – искусственность делания чего-то, искусство) почиталось наивысшей наукой. Римский историк Светоний (70–140 гг. н. э.) в книге «О грамматиках и риториках» писал, что «грамматика в Риме в прежние времена не пользовалась не только почетом, но даже известностью, потому что народ... был грубым и воинственным, и для благородных наук не хватало времени». Постигшие благородных наук, т. е. грамматики и риторики, возобновили «древнейшие ученые, которые были поэтами и наполовину греками. Они учили в Риме и на родине на греческом и латинском языках». Светоний подробно описывает «руководства» по обучению, составлявшиеся наиболее опытными наставниками. В их числе были учителя, заслужившие прозвище Филолог за свое мастерство [9, с. 291–296].

В Китае древняя традиция овладения письменностью восходит к трудам Конфуция, первейшего из китайских книжных мудрецов и публицистов, имя которого означает «учитель» [10, с. 14–16]. В V в. до н. э. Конфуций создал первую в истории Китая годовичную хронику «Чунь-цю» («Период весны и осени»), изложил своим ученикам «Лунь Юй» («Беседы и суждения»), собрал, отредактировал и стал преподавать знаменитое «У-цзин» («Пятикнижие»), куда вошли классические книги «Ши-цзин» («Книга песен»), «Шу-цзин» («Книга истории»), «Ли-цзи» («Записки о правилах благопристойности»), «Чунь-цю», «И-цзин» («Книга перемен») о пяти добродетелях, среди которых превалирующее место занимает любовь к учебе и знаниям. «Умение разбираться с этими текстами стало критерием для поступления на службу китайской императорской бюрократии», – пишет известный американский политический деятель Г. Киссинджер. «Чиновники-ученые должны были быть сведущими в литературе. Их отбирали на общенациональных экзаменах и назначали поддерживать гармонию в огромном государстве-империи» [11, с. 28–31]. Такая процедура сохранялась до падения Китайской империи в 1912 г.

В Европе прототипы журналистики ввел в 59 г. до н. э. древнеримский политический деятель Юлий Цезарь. По его указанию стали выходить на глиняных дощечках «Ежедневные протоколы сената и римского народа» (*Acta diurna senatus ac populi romani*) и «Ежедневные протоколы римского народа» (*Acta diurna populi romani*) – аналог газеты о событиях городской жизни. Считается, что от латинского корня *diurnal* – «день» – произошло слово «журналист» [12, с. 88–89].

Что касается прототипов журналистики в Китае, сведения об их возникновении датируются II в. до н. э. и ассоциируются с понятием «дибао». Это слово состоит из двух иероглифов: *ди* ‘столица Среднего Царства’, *бао* ‘донесение, доклад’ (*дибао* ‘официальный вестник, который специальные курьеры доставляли управляющим чиновникам провинций’).

Дибao рассматривается современными китайскими учеными в качестве классического прототипа разнообразных газет и журналов, поскольку в логотипе каждой газеты есть иероглиф *бао*, например «Жэньминь жибао» [10, с. 17–19].

Первая газета «Днсиян бао», отпечатанная ксилографическим способом на китайском языке, появилась в Гуанчжоу в 1833 г. и в Сингапуре в 1837 г. В 1860 г. американский миссионер В. Гэмби усовершенствовал стандартную шрифтовую кассу печатного станка, изобретенного Би Шэном почти на 500 лет раньше немецкого первопечатника И. Гутенберга. С середины XIX в. газеты и журналы начали выходить повсеместно [10, с. 27]. Печатный станок Гутенберга появился в Европе в 1451–1453 гг., но в целях развития журналистики стал использоваться с начала XVII в. [12].

На землях Беларуси традиции письменной вербальной коммуникации восходят к 863 г., когда в Великоморавскую державу были приглашены из Византии ученые монахи Кирилл и Мефодий, которые создали славянскую азбуку и перевели основные богослужебные книги [13, с. 144]. На начало XII в. приходится деятельность белорусских просветителей. Кирилл Туровский создает торжественные слова-проповеди, поучения, наставления. Дочь князя Святослава монахиня Ефросинья Полоцкая в открытой ею школе начала учить грамоте крестьянских детей.

В середине XVI в. поэт-латинист Николай Гусовский написал светское произведение «Песня о зубре» по просьбе папы Римского во время пребывания в Риме в составе представительства Великого княжества Литовского.

В 1517–1519 гг. Франциск Скорина издал в Праге Псалтырь и 20 других книг Библии на белорусском языке. Позже он основал в Вильнюсе, в то время столице Великого княжества Литовского, первую типографию в славянском регионе Восточной Европы.

В XVII в. приобретает известность творчество Симеона Полоцкого. Он автор сборников «Вертоград многоцветный», «Рифмологион», наставник детей царя Алексея Михайловича и организатор типографии в Московском Кремле.

В XIX в. революционер-демократ Кастусь Калиновский (1838–1864) издавал первую газету для народа «Мужыцкая праўда» [14, с. 47–48].

Исторические традиции развития письменной вербальной коммуникации, которые заложили основы формирования журналистики в различных странах, в том числе в Беларуси и Китае, хотя и зарождались в разные времена, тем не менее с новой силой заявили о себе сегодня, в эпоху интенсивного освоения инновационных технологий и медиатизации классических СМИ. Интернет открыл новую страницу в развитии китайской и белорусской журналистики. Этому в большой степени способствует целенаправленная государственная информацион-

ная политика обеих стран и высокая заинтересованность руководства в создании благоприятных условий для ускоренной реализации государственных программ освоения всех видов интернет-ресурсов. Хотя не обошлось и без некоторых казусов.

Американский публицист-социолог Э. Тоффлер, автор известной трилогии «Шок будущего» (1970), «Третья волна» (1980), «Метаморфозы власти» (1990), в предисловии к последней книге приводит такой факт: труд «Третья волна», который стал бестселлером почти во всем мире, был первоначально запрещен в Китае, но «сперва обвиненная в распространении “западного духовного загрязнения”, затем осознанная и опубликованная огромными тиражами, она стала самой продаваемой книгой в самой многочисленной стране на планете и использовалась при составлении речей Дэн Сяопина. Бывший в то время премьер-министром Цзяо Дэнъян созывал конференцию для ее обсуждения и убеждал политиков изучать этот труд» [15, с. 19].

Сегодня недоверие к медиатизации всех сфер общественной жизни и видов деятельности уходит в прошлое. В настоящее время в Китае и Беларуси сформировался конкурентный медиарынок. Интернет используется как эффективное средство официальной, деловой и личной коммуникаций в системах образования и культуры, осуществлении научных и социальных исследований. Так, в 2019 г. в Беларуси была проведена перепись населения, в том числе посредством интернет-опроса.

Вообще трудно назвать те сферы общественной жизни, в которых можно было бы обходиться без интернета, мобильных электронных устройств, благодаря которым человек всегда на связи с внешним миром в какой бы географической точке он ни находился. Что касается журналистики XXI в., то ее настоящее и будущее трудно представить без интернета. В виртуальном пространстве динамично развивается новый тип средств массовой информации и, соответственно, журналистики.

Как и в других странах мира, в Китае и Беларуси первыми в интернет пришли газеты, затем – радиовещание и телевидение. В настоящее время происходит интенсивная конвергенция технически разных СМИК на платформе оцифрованных мультимедиа. Этот процесс охватывает производство и распространение всех классических форм журналистских материалов: выпусков новостей, публицистических текстов, образовательно-познавательного, художественного и развлекательного контента. Можно сказать, что журналистика на практике вырабатывает адаптивные механизмы, позволяющие осуществлять не только техническую, но и социокультурную конвергенцию многоплановых творческих ресурсов, ориентируясь на возросшие запросы современной аудитории.

Учитывая данный фактор, в 2013 г. Государственным советом КНР было принято новаторское решение о переходе на новую политику управления национальной медиаиндустрией, которая получила название «конвергентный путь». В результате реорганизации произошло объединение Главного управления прессы и публикаций КНР с Государственной администрацией прессы, публикаций, радио,

кино, телевидения и информационно-новостных агентств КНР. Новый департамент подчиняется Государственному совету КНР и оптимизирует управление всеми «культурами» в целях эффективной координации печатной прессы, онлайн-медиа, радио, кино и телевидения, содействия углубляющейся реформе и ускоренному развитию национальной медиаиндустрии.

Библиографические ссылки

1. Кириллова НБ. *Парадоксы медийной культуры цивилизации: избранные статьи*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета; 2017. 452 с.
2. Тоффлер Э. *Третья волна*. Барабанов С, Бурмистров К, Бурмистрова Л, Заритовская З, Комарова Е, Мирер А и др., переводчики. Москва: АСТ; 2002. 776 с.
3. Градюшко АА. *Современная веб-журналистика Беларуси*. Минск: БГУ; 2013. 179 с.
4. 喻国明. 谈谈中国传媒产业发展的选择, 战略与姿态. 新闻战线. 2018;11:81–83 = Юй Гомин. Разговор о выборе, стратегии в отношении развития медиаиндустрии. *Журналистский фронт*. 2018;11:81–83.
5. 李良荣. 全媒体传播格局的最大变量与增量. 新闻战线. 2018;19:64–67 = Ли Лянжун. Самая большая переменная и приращение стандартов связи всех СМИ и сторонних СМИ. *Журналистский фронт*. 2018;19:64–67.
6. Фрольцова НТ. *Типология творческой деятельности в аудиовизуальной коммуникации*. Минск: Издательство Белорусского государственного университета; 2003. 217 с.
7. Загидуллина МВ. *Панмедиазация: закат вербальной коммуникации*. Челябинск: Издательство Челябинского государственного университета; 2019. 225 с.
8. Артамонова ЮА. Текст СМИ в современной культуре: опыт философского анализа. В: Володина МН, редактор. *Язык средств массовой информации*. Москва: Академический проект; 2008. с. 248–263. Совместно с издательством «Альма Матер».
9. Гай Светоний Транквилл. *Жизнь двенадцати цезарей*. Гаспаров МЛ, переводчик. Москва: Правда; 1988. 512 с.
10. Ян Чжи. *Столетняя вечерняя пресса Китая*. Минск: Юнипак; 2012. 120 с.
11. Киссинджер Г. *О Китае*. Верченко ВН, переводчик. Москва: АСТ; 2014. 635 с.
12. Прутцков ГВ. *Введение в мировую журналистику. От Античности до конца XVIII века*. Москва: Аспект Пресс; 2007. 428 с.
13. Бородина АВ. *История религиозной культуры. Основы православной культуры*. Москва: Издательский дом «Покров»; 2002. 256 с.
14. Кожевников ВМ, Николаев ПЯ, редакторы. *Литературный энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия; 1987. 752 с.
15. Тоффлер Э. *Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века*. Белокосков ВВ, Бурмистров КЮ, Бурмистрова ЛМ, Комарова ЕК, Мирер АИ, Руднева ЕГ и др., переводчики. Москва: АСТ; 2002. 669 с.

References

1. Kirillova NB. *Paradoxy mediinoi kul'tury tsivilizatsii: izbrannye stat'i* [The paradoxes of the media culture of civilization: selected articles]. Ekaterinburg: Publishing House of the Ural University; 2017. 452 p. Russian.
2. Toffler A. *The third wave: the classic study of tomorrow*. Manhattan: Random House Publishing Group; 1980. 560 p. Russian edition: Toffler A. *Tret'ya volna*. Barabanov S, Burmistrov K, Burmistrova L, Zaritovskaya Z, Komarova E, Mirer A, et al., translators. Moscow: AST; 2002. 776 p.
3. Gradyushko AA. *Sovremennaya veb-zhurnalistika Belarusi* [Modern web journalism in Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2013. 179 p. Russian.
4. Yu Guoming. Conversation about choice, strategies for the development of the media industry. *News front*. 2018;11: 81–83. Chinese.
5. Li Lianrong. Largest variable and increment in communication standards of all media and third-party media. *News front*. 2018;19:64–67. Chinese.
6. Froltsova NT. *Tipologiya tvorcheskoi deyatel'nosti v audiovizual'noi kommunikatsii* [Typology of creative activity in audiovisual communication]. Minsk: Publishing House of the Belarusian State University; 2003. 217 p. Russian.
7. Zagidullina MV. *Panmediatizatsiya: zakat verbal'noi kommunikatsii* [Panmediatization: the decline of verbal communication]. Chelyabinsk: Publishing House of the Chelyabinsk State University; 2019. 225 p. Russian.
8. Artamonova YuA. [Media text in modern culture: the experience of philosophical analysis]. In: Volodina MN, editor. *Yazyk sredstv massovoi informatsii* [Language of mass information]. Moscow: Akademicheskii project; 2008. p. 248–263. Russian. Co-published by the «Al'ma Mater».
9. Gaius Suetonius Tranquillus. *Zhizn' dvenadtsati tsezarei* [Biography of twelve caesars]. Gasparov ML, translator. Moscow: Pravda; 1988. 512 p. Russian.
10. Yang Zhi. *Stoletnyaya vechernyaya pressa Kitaya* [The hundred years evening press of China]. Minsk: Yunipak; 2012. 120 p. Russian.

11. Kissinger H. *On China*. London: Penguin Books; 2012. 611 p.
Russian edition: Kissinger H. *O Kitae*. Verchenko VN, translator. Moscow: AST; 2014. 635 p.
12. Pruttskov GV. *Vvedenie v mirovuyu zhurnalistiku. Ot Antichnosti do kontsa XVIII veka* [Introduction to world journalism. From Antiquity to the end of the 18th century]. Moscow: Aspekt Press; 2007. 428 p. Russian.
13. Borodina AV. *Istoriya religioznoi kul'tury. Osnovy pravoslavnoi kul'tury* [The history of religious culture. Foundations of Orthodox culture]. Moscow: Publishing House «Pokrov»; 2002. 256 p. Russian.
14. Kozhevnikov VM, Nikolaev PYa, editors. *Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'* [Literary encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1987. 752 p. Russian.
15. Toffler A. *Powershift: knowledge, wealth and violence at the edge of the 21st century*. New York: Bantaom Books; 1990. 611 p.
Russian edition: Toffler A. *Metamorfozy vlasti: znanie, bogatstvo i sila na poroge XXI veka*. Belokoskov VV, Burmistrov KYu, Burmistrova LM, Komarova EK, Mirer AI, Rudneva EG, et al., editors. Moscow: AST; 2002. 669 p.

Статья поступила в редколлегию 29.12.2020.
Recieved by editorial board 29.12.2020.